

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-231-259

УДК 31:33

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И ГОСУДАРСТВО ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННОГО ЭКОНОМИСТА

Часть 2¹

Ханин Григорий Исаакович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
AuthorID (РИНЦ): 143335
SPIN-код (РИНЦ): 6196-5996
Khaning@yandex.ru*

Аннотация

Анализируется книга английского экономиста Тейна Густафсона «Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России». Во второй части статьи рассматривается период развития нефтяной промышленности РФ, начиная с 2001 г. Укрепление государственной власти с приходом к власти Путина и успешная деятельность частных нефтяных компаний, наряду с ростом мировых цен на нефть, обеспечили быстрый рост добычи нефти в РФ, что позволило Густафсону расценить 2001–2004 гг. в качестве нефтяного чуда. Последующее замедление добычи нефти он связывает с истощением старых нефтяных месторождений при слабом освоении новых. При этом немалое значение в этом замедлении Густафсон придает огосударствлению нефтяной промышленности и усиливающейся в России враждебности к иностранному капиталу вообще и Западу в частности. Автор дополняет этот анализ расчетами, показывающими ограниченные финансовые ресурсы нефтяных компаний и плохое их использование. Густафсон предсказывает кризис в нефтяной промышленности РФ и рекомендует либерализацию отрасли и усиление интеграции нефтяной промышленности РФ в мировую экономику.

Ключевые слова: нефтяная промышленность СССР, нефтяная промышленность РФ, приватизация нефтяной промышленности РФ, ЮКОС, Роснефть.

¹ Первую часть статьи см.: *Ханин Г.И.* Российская экономика и государство глазами иностранного экономиста. Ч. 1 // *Идеи и идеалы.* 2020. Т. 12, № 1, ч. 2. С. 295–318. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-295-318.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. Российская экономика и государство глазами иностранного экономиста. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 2. – С. 231–259. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-231-259.

Большое внимание в книге уделяется источникам подъема в нефтяной промышленности после кризиса 1998 г. Применительно к 1999–2004 гг. Густафсон даже использует термин «нефтяное чудо». Мне тоже казалось, что кризис 1998 г. покончит с рыночными реформами в России, и успехи российской экономики в начале 2000 гг. казались мне кратковременными. Теперь есть возможность спокойно проанализировать факторы и ограничения этого успеха. Но прежде я должен внести уточнение в его оценку общего состояния российской экономики в постдефолтный период. Густафсон некритически опирается на данные Росстата. Они существенно приукрашивают реальную динамику ВВП и промышленной продукции в этот период [18]. Что касается нефтяной промышленности, то она действительно почти достигла уровня 1990 г. (но не 1987 г.).

Рассмотрю характеристику факторов подъема, данную Густафсоном для периода «нефтяного чуда», расширив его до 2007 г. включительно.

**Частные интегрированные компании
под управлением «финансистов»**

Главные успехи посткризисного периода Густафсон связывает с деятельностью частных интегрированных компаний. Это утверждение опирается на данные о росте производства нефти в 1999–2004 гг. по отдельным сегментам нефтяной промышленности РФ. Общее производство нефти выросло на 156 млн т – с 303 млн т в 1998 г. до 459 млн т в 2004 г., в том числе у частных интегрированных компаний с 200 млн т до 386 млн т, или на 186 млн т. В прочих частных компаниях оно сократилось с 34 млн т в 1998 г. до 25 млн т в 2004 г., в государственных компаниях сократилось с 71 млн т в 1998 г. до 48 млн т в 2004 г. В 2007 г. производство нефти выросло до 491 млн т, причем у частных интегрированных компаний сократилось до 301 млн т, в государственных компаниях выросло до 190 млн т; в прочих частных компаниях выросло до 38 млн т [1, с. 210]². Как видим, основной прирост производства нефти пришелся как раз на 1999–2004 гг., что и дало основание Густафсону именно этот период назвать экономическим чудом.

К «финансистам» Густафсон относит руководителей частных интегрированных компаний, пришедших туда извне. Наибольшее восхищение у Густафсона вызывает деятельность главы ЮКОСа Михаила Ходорковского-

² Расчет мой.

го³. Для этого имеются достаточные основания: при общем росте производства нефти с 303 млн т в 1998 г. до 459 млн т в 2004 г. (на 51 %) производство в ЮКОСе в этот же период выросло с 45 млн т до 86 млн т, или на 91 % [1, с. 210]. Но эти данные далеко не полно характеризуют успехи ЮКОСа. Более существенны приводимые Густафсоном технико-экономические данные ЮКОСа в этот период. Среднесуточный дебит скважин ЮКОСа вырос с 8 т в 1997 г. до 15,9 т в 2002 г., в то время как по нефтяной промышленности в целом с 7,3 до 8,3 т [1, с. 545]. У новых скважин рост дебита впечатлял еще больше. В «Юганскнефтегазе» дебиты новых скважин с 15,8 т (100,7 барреля) в день в 1993 г. взлетели до 125,7 т (917,6 баррелей) в 2003 г., а по отрасли средние дебиты новых скважин выросли за тот же период с 11 т (80,3 баррелей) до 40,3 т (294,2 барреля) в день. «Несмотря на большое отставание от остальных компаний в производительности труда в 1993–1996 гг., после 1998 г. ЮКОС повысил уровень добычи на одного работника “апстрима” в пять раз, оставив все остальные компании далеко позади» [1, с. 231]. К сожалению, Густафсон не указывает источник данных о производительности труда, к тому же могла сказаться передача части операций на аутсорсинг.

Столь же впечатляющи данные о динамике себестоимости продукции. В начале 1998 г. она составляла \$ 9,3 за баррель, накануне дефолта 1998 г. снизилась до \$ 7,2 за баррель [1, с. 212], а в 2002 г. себестоимость добычи нефти в ЮКОСе была \$ 1,47 за баррель (у ближайшего конкурента – «Лукойла» – \$ 2,5 за баррель) [1, с. 230]. При сравнении с 1998 г. необходимо учесть девальвацию рубля, снизившую затраты в долларовом исчислении, – разница слишком разительна, чтобы объяснять только ростом производительности. В ЮКОСе в августе 2003 г. была самая высокая капитализация среди нефтяных компаний [4, с. 411] и самая большая прибыль [4, с. 418, 420]. Правда, в 2004 г. рост производства в ЮКОСе был ниже, чем по всей нефтяной промышленности, но скорее всего это было вызвано дезорганизацией управления компанией после ареста Ходорковского и бегства из России ближайших его соратников.

Ключевое значение в успехах ЮКОСа Густафсон отводит иностранному участию в его деятельности. «В октябре 1998 г. он подписал пятилетнее стратегическое соглашение с Schlumberger – нефтесервисной компанией мирового уровня. Schlumberger согласилась не только оказывать услуги по оздоровлению захиревших скважин ЮКОСа, но также – беспрецедентный случай в нефтяной промышленности! – помочь в финансовом и кадровом управлении корпорацией. Один ответственный сотрудник Schlumberger был назначен финансовым директором ЮКОСа, другой занялся трудовыми ресурсами. Но главным приобретением был Джо Мак – ветеран-нефтя-

³ Независимо от Густафсона я пришел к аналогичному выводу [13, с. 22–24].

ник Schlumberger, прибывший в Москву в начале 1999 года» [1, с. 214–215]. Мак внедрил три революционных для российской нефтяной промышленности нововведения, применявшиеся ранее в нефтяной промышленности США: более мощные насосы, более совершенные и результативные методы и оборудование для гидроразрыва пласта и намного более совершенные методы заводнения скважин. Всё это быстро и значительно подняло производительность скважин, которые, по оценке Мака, использовались лишь на 8 % мощности [1, с. 217–222]. Вместе с тем Густафсон не отрицает опасных побочных последствий этих технологических нововведений.

Но самой революционной частью нововведений Мака были изменения в организации производства, ломавшие традиции советского периода. «Вся советская производственная культура была направлена на самосохранение; это означало прятаться от системы, скрывать факты, “не высовываться”, избегать ответственности. Фальсифицировать платежные ведомости, жульнически выигрывать тендеры, заниматься приписками, занижать производственные показатели, – всё это классические умения советского руководителя. Рабочие и руководители на месторождениях часто фальсифицировали данные и записи в буровых журналах, преувеличивая (не очень сильно) успехи и скрывая неудачи. Планирующие органы в Москве бились с этой проблемой всю советскую эпоху, изобретая одну схему за другой в безуспешных попытках пресечь поток дезинформации с мест» [1, с. 223].

То, что не удалось советской власти, удалось Ходорковскому. Этому помогли система диспетчерского управления и сбора данных, внедренная Маком, а также личные качества Ходорковского. «Во главе ЮКОС стоял решительный частный предприниматель, обладавший полной властью над всей организацией. Высшим приоритетом для Ходорковского был контроль – контроль за нефтью и деньгами, контроль за всей компанией сверху донизу. В стране, для которой свойственны служебные преступления, Ходорковский четко дал понять, что не потерпит воровство и обман; он создал самую жесткую в отрасли систему контроля» [1, с. 224]. В сфере нефтедобычи эту систему контроля создал Мак. «В 1999 году Мак собрал себе команду из 27 молодых инженеров, по одному от каждого нефтегазодобывающего управления ЮКОСа, и обучил их отбирать фоновые скважины. Инженеры Мака не входили в стандартную цепочку управления. Цель была в том, чтобы раскрыть действительное состояние производства, истинную производительность каждой скважины. Это было настоящей подрывной деятельностью. Руководители на местах делали все, чтобы скрыть эту информацию от Москвы. Пятью годами позже эта команда “подрывников” стала маленьким элитным подразделением, получившим неофициальное прозвище “черные пояса ЮКОСа”. Они были дерзкими,

настойчивыми, самоуверенными до наглости – и обладали всеми необходимыми полномочиями» [1, с. 226].

Очень образно (как этого не хватает российским экономистам!) описывает Густафсон систему управления ЮКОСом: «При всем сходстве с американской системой управления такая структура управления больше напоминала деятельность коммунистического аппарата советских времен. Ходорковский и его команда топ-менеджеров были эквивалентом Политбюро, Мак и его московский штат – Секретариатом ЦК на Старой площади, местные отделы интенсификации добычи были как прежние парткомы на предприятиях, а Центр разработки месторождений – Высшей партийной школой. Подобно большевикам во время Гражданской войны, руководство ЮКОСа внедряет институт комиссаров. Атмосфера в ЮКОСе тоже в чем-то напоминала большевистские времена. Начальник должен был в первую очередь уметь нагнать страх на подчиненных» [1, с. 226–227]. Как вспоминал Ходорковский, он уволил всех руководителей нефтегазодобывающих управлений, их было 21. Ни дать ни взять, русская система власти. Ею вынуждены пользоваться в России даже ее противники и евреи – Ходорковский и его ближайшее окружение.

Обращусь за подтверждением достижений ЮКОСа к яркому обличителю олигархов и рыночных реформ в России, пламенному стороннику советской власти и русскому националисту, главному редактору газеты «Завтра» Александру Проханову. Незадолго до ареста Ходорковского он посетил предприятия ЮКОСа и оставил о них восторженные отзывы: «Технология добычи отличается от той, что я понимал и знал, как отличается сверхточная, влетающая в форточку ракета от свирепой, бьющей по площадям бомбы. Футурология приходит на ум, когда попадаешь в вахтовый поселок. Об этом в советское время, с лихими аврамами, с грубой техникой и разливами нефти, с гульбой и прогулами, оставалось только мечтать» [13].

При всей убедительности анализа деятельности Ходорковского как руководителя ЮКОС желателен дальнейший анализ, учитывающий горно-геологические и другие особенности положения ЮКОСа в отношении других компаний. Желательно проанализировать справедливость упреков ЮКОСу в отношении пренебрежения геологоразведкой. На мой непросвещенный взгляд, это было неизбежно на стадии становления компании при ее неплохой обеспеченности запасами. Не уверен, что в РФ геологоразведка должна вестись преимущественно нефтяными компаниями, как в США, а не государством. Критики ЮКОСа указывают на его многочисленные офшорные счета (об этом подробно рассказывают Лэнсли и Холлинсуорт [20]). Я считал бы это компрометирующим Ходорковского обстоятельством, но, занимаясь коэффициентом Альтмана для крупнейших

российских компаний, пришел к выводу, что в большей части они выступали в качестве залога для иностранных кредиторов компаний [16].

Генезис «Сибнефти» очень похож на генезис ЮКОСа. Ее отцами-основателями и крупнейшими акционерами стали Борис Березовский и Роман Абрамович благодаря их близости к семье Бориса Ельцина. Но они, в отличие от Ходорковского, не имели вкуса к управленческой деятельности и доверили ее Евгению Швидлеру. Как и Ходорковский, он окончил институт имени Губкина. Проработав некоторое время в организованном Абрамовичем кооперативе по производству игрушек, он уехал в США, где обучался корпоративным финансам и приобрел большой опыт практической деятельности в консультационных и аудиторских фирмах. В «Сибнефти» он стал сначала вице-президентом по финансам, а затем президентом компании.

Густафсон отмечает большие различия в политическом и деловом поведении «Сибнефти» по сравнению с ЮКОСом. «Хозяева «Сибнефти» никогда не использовали ее как базу для своих политических амбиций или социальных мероприятий. В отличие от руководства ЮКОСа Швидлер не пытался сделать из «Сибнефти» выставку достижений капиталистического хозяйства, массово приглашая западных специалистов и передавая в их руки все финансовое управление и представительские функции компании. Кое-кто имел западное финансовое образование и международный опыт, но в целом команда «Сибнефти» почти полностью состояла из россиян» [1, с. 234]. Тем не менее само описание деятельности этой компании Густафсоном свидетельствует о большом влиянии иностранцев на эту деятельность. Ведь и сам Швидлер имел американское деловое образование и деловой опыт. Schlumberger сыграл в жизни «Сибнефти» такую же революционную роль, как и в жизни ЮКОСа. Обе компании начали сотрудничество с ним практически одновременно. Руководил этими работами со стороны Schlumberger Искандер Дияшев, выходец из СССР, получивший докторскую степень в американском вузе и имевший большой опыт работы в Schlumberger. С учетом особенностей двух новых месторождений «Сибнефти» Schlumberger применил горизонтальное бурение вместо гидроразрыва пластов в ЮКОСе. Остальная технология добычи и управления была общей [1, с. 234–235]. По результатам работы «Сибнефть» шла вровень с ЮКОСом – рост их добычи за 1998–2004 гг. был практически идентичным. Но политическая лояльность ее владельцев была вознаграждена: «Сибнефть» тоже была поглощена «Роснефтью», но на очень щедрых условиях.

По неясным причинам Густафсон не упоминает в рассказе о нефтяном чуде третью компанию «финансистов» – Тюменскую нефтяную компанию (ТНК), хотя ее судьба была не менее драматична, а результаты рабо-

ты вполне сравнимы ЮКОСом и «Сибнефтью». Ее отцами-основателями были Михаил Фридман и Петр Авен (группа Альфа-банка). Генезис ТНК обычный для компаний, руководимых «финансистами»: приватизация, залоговые аукционы, выигранные компанией, созданной Альфа-банком, и приобретение более мелких компаний [4, с. 97–98]. Для содействия в своей деятельности ТНК прибегла к помощи крупнейшей американской сервисной компании *Hulliborton*, возглавляемой будущим вице-президентом США Ричардом Чейни.

Президентом и председателем правления ТНК был назначен Семён Кулес. Выпускник МФТИ, он в середине 1970-х гг. после защиты кандидатской диссертации эмигрировал в США и работал в крупных нефтяных компаниях. Таким образом, впервые бывший гражданин США занял самый крупный пост в российской нефтяной компании и, естественно, перенес в нее, вдобавок к опыту *Hulliborton*, американский управленческий опыт. После поглощения СИДАНКО и Оренбургской нефтяной компании ТНК вошла в число крупнейших нефтяных компаний России. Дальнейшая ее судьба, помимо коммерческих достижений, определялась тем, что «Альфа-групп рассматривается властями как лояльная по отношению к режиму Путина группа» [5, с. 103].

Для укрепления своих финансовых и коммерческих возможностей ТНК в 2003 г. объединилась с крупнейшей англо-голландской нефтяной компанией *British Petroleum* под названием ТНК-ВР с равным участием в капитале и управлении обеих компаний. При этом *British Petroleum* взяла на себя наиболее важные и сложные функции: стратегию, технологию и финансы [1, с. 444]. «ТНК-ВР смогла проводить активную стратегию внедрения передовых технологий и “ноу-хау”, благодаря чему за пять лет стала самой прогрессивной и успешной из всех российских нефтяных компаний» [1, с. 444]. В 2007 г. компания стала второй по размеру производства нефти частной интегрированной компанией.

Можно определить наиболее типичные особенности «финансистов» и их компаний. Они были молоды, немногим более 30 лет, полны энергии и дерзки. Имели хорошее советское техническое образование. Прошли школу кооперативов. Создали банки и приобрели в них капитал и деловые и политические связи. Благодаря близости к власти и накопленным богатствам в ходе залоговых аукционов приобрели крупные нефтяные компании. В управлении нефтяными компаниями опирались на кадры и управленческие знания американских сервисных компаний, смело ломали устаревшие советские технологии и методы управления, понимали особенности рыночной экономики. Имели широкие международные коммерческие и финансовые связи. Отмечу также, что все они были евреями, при поздней советской власти не имевшими никаких шансов пробиться к хозяй-

ственному руководству и достатку (Грайфер был исключением). Судьба их зависела не только от коммерческих и производственных успехов, но и от благосклонности центральной власти. Производственные и коммерческие успехи «финансистов» впечатляют тем более, что они не имели опыта работы в нефтяной промышленности. Во многом их успехи связаны с подбором кадров по профессиональным качествам вместо протекции и приятельских отношений, как в советских компаниях. Само появление «финансистов» является свидетельством того, какой взрыв созидательной активности вызвали перестройка и экономические и политические реформы 90-х гг. наряду с более бросающейся в глаза активностью разрушительной и преступной.

Частные интегрированные компании под управлением «нефтяных генералов»

Хотя Густафсон отдает явное предпочтение «финансистам» в связи с их успехами, он отдает должное и «нефтяным генералам», пусть и с запозданием, но тоже перенимавших передовую западную технологию и методы управления. Особенно он выделяет «Сургутнефтегаз» и его главу В.Л. Богданова. «Несмотря на репутацию технологического ретрограда, “Сургутнефтегаз” на самом деле является одной из самых инновационных российских компаний и широко использует заимствованные с Запада технологии. Но механизм этого заимствования, в отличие от ЮКОСа и “Сибнефти”, предусматривает лишь ограниченное участие иностранных компаний и специалистов. Богданов с опаской относился к новым технологиям, но когда решался, посылал сотни своих лучших работников на учебу за границу. ... У “Сургутнефтегаза” не было таких блестящих успехов в добыче из новых скважин, как у ЮКОСа и “Сибнефти”, но это компенсировалось более эффективным бурением, кроме того, “Сургутнефтегаз” разработал больше новых месторождений, чем любая российская компания» [1, с. 237, 238].

Сдержаннее Густафсон оценивает деятельность в этот период «Лукойла» и его руководителя В.Ю. Алекперова. Посвященный «Лукойлу» параграф он назвал «Запоздалое эпигонство». «Лишь в апреле 2002 года “Лукойл” озаботился своей технологической и управленческой модернизацией. Конкурентное окружение, сказал Федун⁴, вынуждает “Лукойл” полностью изменить свои подходы к производству и управлению. В следующие несколько лет будут закрыты 5000 скважин – почти четверть всего фонда компании. Будут сокращены 20 000 из 140 000 работников компании. Будет продана значительная часть сферы сервисных работ и услуг. Признавая, что компания значительно отстает от конкурентов в дебатах скважин и

⁴ Первый вице-президент «Лукойла».

себестоимости “подъема” нефти, “Лукойл” дал торжественное обещание догнать соперников благодаря обширной программе реконструкции старых промыслов. ... В сущности, “Лукойл” поменял свою старую бизнес-модель на переделанный вариант “юкосовской» [1, с. 239–240]. Вместе с тем Густафсон признает, что в худших результатах «Лукойла» по сравнению с компаниями «финансистов» играло роль и то, что в его запасах не было «слонов» – гигантских месторождений.

Государственные нефтедобывающие компании

Основную роль в возрождении находившейся в конце 1998 г. в кризисе государственной компании «Роснефть» Густафсон отводит ее новому президенту Олегу Богданчикову: «Люди, имевшие с ним дело, быстро распознавали его негибкую волю... Уже в первые 6 недель работы на посту президента Богданчиков сумел консолидировать компанию и обеспечить ее управляемость» [1, с. 345–347]. К сожалению, Густафсон не анализирует деятельность «Роснефти» по внедрению новых технологий и освоению новых месторождений, ее методы управления, что он делал для остальных крупных компаний. Скорее всего в силу того, что «Роснефть» до 2005 г. была по российским меркам небольшой компанией. Здесь следует только отметить, что за 1998–2004 гг. компания сумела увеличить добычу нефти на 70 % – на уровне роста во всей нефтяной промышленности и компаний «нефтяных генералов» [1, с. 210]. Звездный час «Роснефти» начался после поглощения ЮКОСа. Густафсон высоко оценивает усилия Богданчикова по восстановлению деятельности предприятий бывшего ЮКОСа. Особенно он отмечает возобновление сотрудничества со Schlumberger. Высоко оценивает Густафсон и последующие его действия. «Многие полагали, что “Роснефть” быстро обзаведется традиционными пороками госмонополии – неэффективностью, раздутыми штатами, уклоном в политику» [1, с. 364]. Густафсон с одобрением отзываясь о способностях Богданчикова ценить профессионализм при подборе управленцев. С одобрением Густафсон отмечает сохранение Богданчиковым традиций ЮКОСа. «В целом его подход был примерно таким же, как у ЮКОСа. Мак со своими “черными поясами” ушел, чудовищные гидроразрывы продолжались. Костяк высших управленцев, руководивших “Юганскнефтегазом” при ЮКОСе, был переведен в Москву. Огромные усилия “Роснефть” прилагала для освоения крупнейшего в Восточной Сибири месторождения “Ванкора”, оказавшегося настоящим клондайком» [1, с. 364]. Крупнейшим успехом Богданчикова было проведение в 2006 г. IPO (на сумму в \$ 10 млрд), распространенного среди международных и отечественных инвесторов, включая 115 000 мелких акционеров. Таким образом,

с 2006 г. «Роснефть» перестала быть государственной компанией, хотя государство сохранило большую часть акций. В 2007 г. «Роснефть» стала крупнейшей нефтяной компанией России.

Мелкие и средние независимые нефтяные компании

По оценке энергетического центра «Сколково», доля независимых нефтяных компаний (ННК) с 2003 г. ни разу не превышала 4 % от всего производства нефти в РФ [22]. В абсолютных цифрах это максимум 18 млн т в 2004 г. и 20 млн т в 2007 г. К тому же эти компании лишь номинально являются независимыми («Русснефть»). Этой ничтожной доле ННК в РФ противопоставлена их огромную роль в нефтедобыче США, где 7000 ННК производили 46 % нефти (в РФ этим занималось лишь 130 ННК) [22]. Густафсон связывает это с монополизацией добычи нефти крупными вертикально-интегрированными компаниями при поддержке государства. Не уверен, что это полное объяснение. Сказалась слабость предпринимательской инициативы и финансового сектора РФ, не способного поддержать эту инициативу.

Общие результаты развития нефтяной промышленности РФ в 1999–2007 гг.

Прогресс в добыче нефти после 1998 г. действительно внушительный. Но назвать этот период экономическим чудом, как считает Густафсон, можно только в свете тяжелейшего кризиса 1998 г. Для более объективной оценки этого периода уместно напомнить, что в 2007 г. добыча нефти не достигла наивысшего уровня добычи нефти в РСФСР в 1987 г. – 569,5 млн т [11, с. 142]. По-настоящему выдающимися были достижения отдельных компаний в области технологии и организации добычи благодаря использованию иностранного опыта, но эти достижения слабо распространялись. Однако для общей оценки этого периода необходимо оценить финансово-экономическое положение отрасли с учетом, конечно, изменений цен на нефть на мировом и внутреннем рынке. Напомню, что в поздний советский период отрасль была реально убыточной.

В 2004 г. сальдированный финансовый результат нефтяной промышленности по официальной отчетности составил 457,6 млрд руб. [6, табл. 13.33], при учетной стоимости основных фондов – 1690 млрд руб. [6, табл. 13.16]. С учетом недооценки основных фондов в этот период в 5,08 раза [14, с. 65–67] восстановительная стоимость основных фондов в 2004 г. составила 8585,7 млрд руб., или на 6895,2 млрд руб. больше, чем по учетной стоимости. В соответствии с нормой амортизации в нефтяной промышленности в размере 6,7 % переоценка основных фондов увеличивает объем амортизации на 462 млрд руб., что делает отрасль убыточной. Конечно,

следует вычесть налоги, дивиденды, утечку капитала и добавить прирост задолженности. Не имея возможности произвести столь сложный расчет, предположу, что он покажет невозможность расширения основных фондов из-за недостатка финансовых ресурсов. Особенно важно учесть влияние налогов, помимо налога на прибыль. Эта очень серьезная причина замедления роста отрасли после 2004 г. выпала из поля зрения Густафсона.

Из-за нехватки данных, к сожалению, не могу восполнить этот пробел. С 2005 г. Росстат не публикует данные о сальдированном финансовом результате по отраслям промышленности, делая это только для комплексов отраслей. При этом сальдированный финансовый результат по всему топливно-энергетическому комплексу в 2004 г. составил 485,5 млрд руб. [7, табл. 8.1] – лишь немногим более чем по одной нефтяной промышленности. Весьма сомнительный результат, учитывая огромную роль газовой промышленности. Более реальна динамика сальдированного финансового результата: с 485,5 млрд руб. в 2004 г. до 810,6 млрд руб. в 2007 г. [7, табл. 8.1], или в 1,67 раза. Ввиду незначительного роста добычи нефти в этот период очевидно, что рост прибыли вызван значительным ростом мировых цен на нефть. Распространяя этот рост на сальдированный финансовый результат нефтяной промышленности, получаем его объем в 2007 г. 746,2 млрд руб.

Выше была приведена стоимость основных фондов нефтяной промышленности по полной стоимости. Не имея данных о доле остаточной стоимости основных фондов в полной их стоимости, воспользуюсь их соотношением по всей экономике в 2004 и 2007 гг. – соответственно 48,1 % и 43,6 % [19]. Тогда остаточная стоимость основных фондов в нефтяной промышленности в 2004 г. составляла 4129,7 млрд руб. При норме амортизации в нефтяной промышленности 6,7 % объем выбытия основных фондов должен был составить 276,7 млрд руб. Капитальные вложения в нефтедобывающую промышленность в 2004 г., по данным Росстата, составили 190,3 млрд руб. [9, табл. 3.9]. Таким образом, основные фонды сократились на 86,4 млрд руб., или более чем на 2 %.

Для определения объема капиталовложений в нефтяную промышленность в 2007 г. воспользуюсь их ростом по добыче топливно-энергетических ископаемых в 2007 г. по сравнению с 2004 г. – в 1,82 раза [7, табл. 3.1]. Получается 346,3 млрд руб. Основные фонды топливно-энергетической промышленности выросли в 2007 г. по сравнению с 2004 г. в 1,79 раза [7, табл. 3.1]. Следовательно, их полная восстановительная стоимость в 2007 г. составила 15 368,4 млрд руб., а остаточная – 6700,6 млрд руб. Объем выбытия основных фондов составил 448,9 млрд руб. Это на 102,8 млрд руб. больше ввода основных фондов, что приводит к сокращению объема основных фондов на 1,5 %. Происходивший при этом рост

добычи нефти можно объяснить лучшим использованием основных фондов, в частности, ростом дебита скважин. Разумеется, наш расчет не претендует на точность ввиду недостаточной достоверности исходных данных, но показывает общую картину.

С учетом восстановительной стоимости основных фондов объем амортизации следует увеличить на 826,9 млрд руб. В этом случае сальдированный финансовый результат – 80,7 млрд руб. убытка. Таким образом, даже огромный рост цен на нефть не сделал нефтяную промышленность прибыльной. Это суровый приговор уровню технологии и организации производства в отрасли. Но и здесь следует учесть уровень налогов, которые, кроме налога на прибыль, по методике Росстата не включались в объем продукции. Поскольку мировые и внутренние цены на нефть по сравнению с серединой 1980-х гг. выросли в несколько раз, убыток означает, что выросла себестоимость добычи. Индикатором изменения себестоимости добычи нефти, видимо, является рост затрат на проходку эксплуатационных скважин. По приводимым Густафсоном данным, эти затраты после 2000 г. выросли более чем в 5 раз: с \$ 126 в 2000 г. до \$ 650 в 2013 г. [1, с. 486] (при равномерном росте они должны были вырасти в 2,23 раза). К тому же и проходка этих скважин росла намного быстрее, чем объем добычи нефти.

Нерентабельность добычи нефти в среднем по РФ заставляет вспомнить утверждение В. Патера о нецелесообразности превышения объема ее добычи в 350...400 млн т, относящееся, правда, к СССР, но тем более справедливое для РФ. Скорее всего добыча нефти в РФ превзошла границы рентабельности, определяемые геологическими и климатическими природными условиями. Это ставит под сомнение утверждение Густафсона о том, что российская нефтяная промышленность в 2007 г. «оставалась конкурентоспособной на мировом рынке» [1, с. 454]. Здесь обязательно необходимо учесть уровень налогообложения отрасли.

Данные о рентабельности добычи нефти и воспроизводстве основных фондов позволяют дополнить проделанный Густафсоном анализ причин затухания добычи нефти после 2004 г. Он справедливо связывает его с истощением возможностей использования прежней ресурсной базы в Западной Сибири и медленностью и трудностью освоения новой ресурсной базы в Восточной Сибири [1, с. 464–472]. Но сами эти трудности определяются, помимо отставания в технологии и организации, ограниченностью финансовых ресурсов (хотя и ограниченность, конечно, частично тоже обусловлена указанным отставанием). И если всё же в нефтяную промышленность делались немалые капиталовложения, то в значительной степени за счет средств иностранных инвесторов, которые, ориентируясь по наивности на балансы компаний, считали их прибыльными. Приве-

денные данные позволяют усомниться в справедливости характеристики Густафсоном 1999–2004 гг. как «нефтяного чуда» для всей нефтяной промышленности. Это преувеличение.

Встреча «нефтяного чуда» с «русским медведем»

Одним из наиболее интересных разделов книги Густафсона является описание конфликта российского государства с ЮКОСом в начале 2000-х гг. Густафсон оценивает этот конфликт как поворотный пункт не только в истории нефтяной промышленности РФ, но и в истории российской экономики и общества. Это следует из его понимания российской истории и российского общества – предмета, который, к сожалению, редко занимает российских экономистов.

Для начала приведу его прогноз отношения населения РФ к экономическим реформам. «Переживая трудности переходного периода, россияне будут испытывать двойственные чувства по отношению к капитализму и внешнему миру, особенно к Западу, скептически глядя на иностранный бизнес и подозревая другие государства в дурных намерениях. Если переходный процесс будет мучительным, русские, возможно, будут еще больше обвинять внешние силы в развале СССР, в собственных существующих трудностях и потере статуса как у себя в стране, так и на международной арене. Любое российское правительство, проводящее политику сотрудничества с Западом, будет подвергаться постоянным обвинениям в измене “российским интересам”. Это будет иметь решающее политическое значение, если уровень жизни не поднимется» [2, с. 25]. Как провидчески это звучит! Однако неудачи политических и экономических реформ в России начала 1990-х гг. Густафсон не склонен объяснять только ошибками реформаторов: «Россия – это уникальный случай в истории. Ни одна другая страна не зашла так далеко в построении подлинно тоталитарного государства, не занималась этим так долго. Ни одна другая страна не обладала столь развитой господствующей идеологией; ни одна так не преуспела в искоренении рыночной экономики и частного предпринимательства; ни одна не предпринимала столь настойчивых попыток сокрушить институты общества и заменить все его элементы государственными учреждениями; ни одна не вела тотальной войны против собственного народа, в ходе которой были убиты и изгнаны десятки миллионов людей, а остальных держал мертвой хваткой полицейский режим. В России никогда не было демократии» [2, с. 99].

Его описание наиболее вероятного (в 1994 г.!) сценария развития России на ближайшие 20 лет, который он назвал «двуглавым орлом», выглядит как репортаж о событиях 2000–2010 гг. «Политический ландшафт резко меняется. Центр решающим образом ослабил власть регионов,

и исполнительная ветвь власти надолго подчиняет себе законодательную. В Москве собирается послушный и относительно безвластный законодательный орган. Альянс получил, наконец, возможность свободно вырабатывать политику без вмешательства со стороны законодателей и местных органов власти. Последние получают небольшую собственную налоговую базу и право оставлять себе скромную долю от выручки за ресурсы, но центральное правительство начинает регулярно собирать налоги, платить солдатам, милиции, гражданским служащим, контролировать границы, свободно назначать и увольнять местных чиновников... Центральное правительство получает больше власти над средствами массовой информации. Правительство “двуглавого орла” принимает более решительные меры к подавлению беспокоящих его сепаратистских движений на Северном Кавказе, прибегая при необходимости к силовым методам. Принуждаются к послушанию “автономные правительства”. Экспорт природных ресурсов из них вновь контролируются государственными монополиями, действующими в Москве. ... Сценарий “двуглавого орла” – это продолжение великодержавных традиций российского прошлого, когда правительство России стремится вздохнуть полной грудью, вновь ощутить былую гордость и решительно утвердить свои интересы. Это прежде всего правительство консолидации, которое многие россияне тепло приветствуют после десятилетия непрерывных политических и экономических потрясений» [2, с. 143–145]. Не предсказаны только фантастически высокие мировые цены на нефть в 2000-е гг.!

Впрочем, «двуглавый орел» еще не худший сценарий. Густафсон считает вполне возможным сценарий «русского медведя» с еще более авторитарным режимом и враждебностью к Западу, на который последний отвечает экономическими санкциями [2, с. 164–166]. Именно с «русским медведем» столкнулся ЮКОС. Рассказ об этом столкновении важен автору для иллюстрации характера послеельцинской государственности и состояния российского общества в этот период. В интерпретации Густафсона смысл дела ЮКОСа состоит в том, что российский правящий класс в очередной раз в своей истории утверждает свою силу, уничтожая политических и экономических конкурентов и обеспечивая за их счет укрепление своих финансовых позиций. Даже если при этом стране наносится экономический ущерб и попираются права человека и законность – медведь и есть медведь.

С горечью описывает Густафсон уничтожение многих новаторских технологических и организационных нововведений Ходорковского после его ареста. «То, что осталось от могучего механизма Мака, было ликвидировано. Финансирование закончилось, подрядчикам не платили, работы остановились. “Черные пояса” – выпестованная Джо Маком когорта мо-

лодых инженеров-промысловиков ЮКОСа – разбрелись по другим компаниям. В ноябре 2004 г., когда перестала поступать арендная плата за здание, Центр разработки месторождений – сосредоточие работ Джо Мака и командный пункт приоритетного обслуживания скважин “Двадцать лучших”, закрылся, а компьютеры и электронику разграбили и растащили» [2, с. 328]. «Крупные компании стали консервативнее в методах добычи. На уровне нефтепромыслов атака на ЮКОС привела к откату в инновационных технологиях и менеджменте» [2, с. 331].

Нефтяная промышленность России в период застоя

Резкое замедление добычи нефти в РФ началось уже после 2004 г.: с 2004 по 2007 г. она выросла с 459 до 491 млн т, или всего лишь на 6 %, хотя именно в этот период мировые цены на нефть и, следовательно, рентабельность ее добычи росли особенно быстро. Это можно связать с разгромом ЮКОСа и растущим консерватизмом нефтяников, но вряд ли это было главной причиной. Для оценки реального состояния нефтяной промышленности в 2007 г. требуется пересчет ее благополучных финансовых показателей с учетом восстановительной стоимости основного капитала. В 2007 г. объем основных фондов нефтяной промышленности по полной учетной стоимости составил 2,94 трлн руб. [8, табл. 3.1]. Исходя из величины остаточной стоимости основных фондов «Роснефти» и фонда ее эксплуатационных скважин была рассчитана остаточная стоимость одной эксплуатационной скважины «Роснефти». Затем на основе подсчитанного нами реального износа основных фондов в нефтяной промышленности, примерно равного износу в экономике в этом году (56,4 %), была рассчитана стоимость одной скважины по полной стоимости. На основе объема капитальных вложений «Роснефти» и ввода новых скважин была рассчитана восстановительная стоимость одной скважины по полной стоимости. Сопоставление этих величин позволило установить недооценку основного капитала в нефтяной промышленности в 2007 г. в 5,47 раза.

Это означает, что полная учетная стоимость основных фондов нефтяной промышленности в 2007 г. составила 16,24 трлн руб. вместо 2,94 трлн руб., по данным Росстата. По остаточной стоимости соответственно 7,08 трлн руб. вместо 1,28 трлн руб., или на 5,8 трлн руб. больше. При норме амортизации в нефтяной промышленности в 6,7 % это увеличивает издержки в отрасли на 0,388 трлн руб. Отсюда сальдированный финансовый результат оказывается вместо 0,697 трлн руб. по финансовой отчетности [8, табл. 8.1] равным лишь 0,309 трлн руб. С учетом налога на прибыль по ставке 25 % в размере примерно 0,175 трлн руб. остается 0,134 трлн руб. Это меньше 2 % по отношению только к основному капи-

талу и еще намного меньше по отношению ко всем активам отрасли. Приведенные данные показывают слабость финансового положения отрасли даже в период максимального уровня мировых цен на нефть.

После 2007 г. замедление развития нефтяной промышленности продолжалось. В 2016 г. производство нефти составило 516 млн т [12] – на 25 млн т больше, чем в 2007 г., со средним приростом лишь 0,5 % ежегодно. И это при том, что инвестиции быстро росли: с \$ 23 млрд в 2010 г. до \$ 35 млрд в 2014 г.; объем бурения с 42,2 млн м в 2001–2005 гг. до 70,6 млн м в 2006–2010 гг. и более 90 млн м в 2011–2014 гг. [1, с. 465]. Продолжался и научно-технический прогресс в отрасли. «С 2008 года методы гидроразрыва и горизонтального бурения распространяются в России с поразительной скоростью. С 2008 по 2014 г количество произведенных гидроразрывов выросло на 63 % – с 4176 до 6887, а эксплуатационное бурение для горизонтальных скважин более чем втрое, с 1649,5 миллионов метров до 5571,4 миллионов метров. Скважинные центробежные насосы в российской нефтяной промышленности стали нормой: в 2014 году ими были оснащены 80 % новых эксплуатационных скважин» [1, с. 582]. Беда состояла в том, что указанные нововведения были позавчерашним днем для мировой нефтяной промышленности. Новейшие ее достижения осваивались слабо и медленно. «В прошедшие два десятилетия подход российских компаний к новым технологиям был, так сказать, спонтанным: они избирательно осваивали новые методы – гидроразрыв, горизонтальное бурение и т. д. – когда те появлялись в России, благодаря, в основном, иностранным нефтяным и сервисным компаниям. Такой подход не требовал коренных изменений в культуре компаний и их привычной организации работы. Но для следующего поколения технологий – цифровых нефтепромысловых технологий завтрашнего дня – придется заняться самими компаниями» [1, с. 480].

Сказывалось растущее отставание отечественной научной и производственной базы отрасли. «В 2014 году иностранные компании поставили для российской нефтяной промышленности 60 % оборудования, но по оборудованию для гидроразрыва – 90 %, для горизонтального бурения – 83 %» [1, с. 456]. Таким образом, по современному оборудованию импорт был почти единственным источником. Еще более удручающим был научный уровень отрасли. «Из 53 000 технических статей, добавленных в библиотеку веб-сайта OnePetro, лишь 240 принадлежат авторам, которых можно идентифицировать как россиян (и еще 131 может принадлежать россиянам, работающим на Schlumberger и Halliburton). Большинство “русских” статей прислали российские нефтяные компании и совсем немного – российские научно-исследовательские институты, научно-исследовательские и проектные организации. Российские университеты практически

не представлен» [1, с. 583]. Последнее особенно прискорбно: сколько же малоквалифицированных нефтяников они подготовили и еще готовят.

Разумеется, Густафсон видит и огромные объективные трудности в развитии нефтяной промышленности России, вызванные истощением наиболее богатых месторождений Западной Сибири [1, с. 469–471]. Но аналогичные трудности переживают нефтяные компании и в других странах, преодолевая их за счет новой технологии и организации.

Для более полной оценки положения нефтяной промышленности к середине 2010-х гг. целесообразно рассмотреть ее финансовое состояние. Полная учетная стоимость основных средств отрасли на конец 2015 г. составила 11,3 трлн руб. [10, табл. 3.1]. Для определения производных экономических показателей необходимо определить ее остаточную стоимость, принимая уровень износа в размере, равном для всей экономики РФ 64,4 %. Остаточная стоимость основных средств отрасли составит 4 трлн руб. Для оценки ее восстановительной стоимости воспользуюсь соотношением между восстановительной и учетной стоимостью в нефтяной промышленности в 2011 г. в размере 7,76 раза [15]. Она составит 31 трлн руб., что на 27 трлн руб. больше официальной. При норме амортизации 6,7 % амортизационные отчисления вырастут в 2015 г. на 1,8 трлн руб. В 2015 г. сальдируемый финансовый результат отрасли составил 2,01 трлн руб. [9, табл. 8.1]. Отняв недооценку амортизации, получаем его равным всего лишь 0,2 трлн руб., что меньше 1 % стоимости основных средств. Если же вычесть налог на прибыль, то финансовые ресурсы отрасли еще больше уменьшатся. Значительное ухудшение по сравнению с 2007 г. Основная причина очевидна – более низкие цены на нефть (в 2015 г. по нефти Brent \$ 53,4 за баррель), хотя и примерно в 2-3 раза больше, чем в середине 1980-х гг. (в неизменных ценах заметно меньше). Естественно, воспроизводство основных фондов в отрасли ухудшилось.

К сожалению, статистика инвестиций публикуется лишь по всему топливному комплексу. В 2015 г. они составили 2,46 трлн руб. [9, табл. 3.10]. Считая долю нефтяной промышленности в основных фондах топливной промышленности в 2015 г. 83 % [9, табл. 3.1], инвестиции в отрасль примем 2,04 трлн руб. Сопоставим ее с реальными амортизационными отчислениями по ставке 6,7 % – 2,07 трлн руб. Мы видим, что капитальные вложения даже не возмещали выбытия основных фондов из-за физического и морального износа. Приведенные данные позволяют оценить реальную себестоимость российской нефти в этот период около \$ 50 за баррель. При установлении налогов на нефтяную промышленность налоговые органы ориентируются на официальную, во много раз более низкую

себестоимость нефти. И если нефтяная промышленность всё же сохраняет прежнюю добычу нефти, то лишь за счет прежних накоплений и значительных иностранных инвестиций.

Роль государства в развитии нефтяной промышленности

Учитывая значимость роли государства в развитии российской экономики, рассмотрю оценку Густафсоном этой роли в развитии нефтяной промышленности в СССР и в России. Послесталинский период оправданно им разделяется на три этапа: до середины 70-х гг., с середины 70-х гг. до перестройки и период перестройки.

Первый период оценивается им высоко. Густафсон исходит прежде всего из огромных производственных достижений нефтяной промышленности в этот период. «Опираясь на прекрасную научную базу и сильные индустриальные и инженерные традиции, она в итоге вышла на первое место в мире по добыче нефти и газа» [1, с. 20]⁵. Это было обеспечено своевременно созданной мощной геологической службой и геологической наукой, позволившей открыть новые месторождения в Поволжье и затем еще более богатые в Западной Сибири. Своевременно были приняты решения об их быстром освоении, мобилизованы огромные материальные, трудовые и финансовые ресурсы для решения этой грандиозной задачи. Подобраны талантливые хозяйственные и партийные руководители, возглавившие этот грандиозный проект. С большим уважением Густафсон отзывается о руководителе геологической службы Западной Сибири Фармане Салманове, первом начальнике «Главтюменьнефтегаза» Викторе Муравленко, первом секретаре Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомякове. Я бы добавил сюда министра нефтяной промышленности с момента ее воссоздания в 1965 г. В.Д. Шашина.

Во второй период, с середины 70-х гг., началось истощение казавшейся ранее бездонной сырьевой базы. Раньше всего в Поволжье, с конца 70-х гг., и в Западной Сибири. Огромный дебит скважин стал быстро снижаться, новые богатые месторождения почти не открывались. Этот период совпал с постепенной деградацией политического руководства СССР, которая коснулась и хозяйственного руководства в центре и на местах. Погоня за ростом добычи любой ценой вела к заводнению скважин и другим неблагоприятным последствиям. Сюда надо добавить кадровую чехарду в центре и на местах, при которой чаще всего последующие руководители оказывались слабее предыдущих.

В начальный период перестройки власть предприняла последнюю попытку выйти из тушика в добыче нефти. Но развал государства на после-

⁵ В этом перечне у меня вызывает сомнение «прекрасная научная база». Это утверждение плохо согласуется с технологическим отставанием отрасли уже в то время.

дующем этапе перестройки Густафсон оценивает в духе своей концепции о ключевой роли государства в России крайне критически. «За последующие три года высвободившиеся в ходе перестройки силы развалили советскую нефтяную отрасль, ввергли Западную Сибирь в хаос. Горбачевская перестройка была катастрофической смесью благих намерений, плохой экономической политики и роковой политической наивности. Горбачев, обладавший солидным опытом партийного аппаратчика, словно забыл, что советская плановая экономика держалась на административных методах. Получение прибыльности при отсутствии системы цен, основанных на спросе и предложении, было прямым путем к катастрофе» [1, с. 52–53]. Крайне ошибочным Густафсон считает «Закон о предприятиях» 1987 г.: «Самым разрушительным в законе 1987 года оказалось то, что рабочим разрешили выбирать директора. Прямые выборы директоров грозили анархией. Ветеранов, таких как Валерий Грайфер, это приводило в ужас» [1, с. 53–54]. Столь же разрушительными для этой системы оказались создание кооперативов, частных банков, ликвидация монополии внешней торговли, непродуманные шаги по демократизации общества, приводившие к законодательной власти дилетантов вместо профессионалов [1, с. 54–55]. Из сказанного не следует, что Густафсон был противником самостоятельности предприятий и демократии. Он был противником глупостей при их реализации.

Для меня неожиданностью стало гораздо более мягкое отношение Густафсона к реформам и реформаторам 90-х гг., чем к реформам Горбачева. Ведь кризис 90-х гг., в том числе и в нефтяной промышленности, оказался гораздо более глубоким. Большинство населения России до сих пор с ужасом вспоминает 90-е гг. в связи с материальными тяготами этого периода и засильем преступности и коррупции.

Густафсон объясняет это полным развалом российского государства в конце 1991 г.: «Трудно себе представить менее надежное плавсредство, чем корабль российской государственности в конце 1991 года, когда он, спустив советский флаг, из последних сил пытается удержаться на плаву. На капитанском мостике “салаги” рвут друг у друга штурвал, норовя сменить курс, и наперебой выкрикивают команды. В машинном отделении горстка механиков то ли пытается переключить машины на задний ход, то ли раскурочивает их на металлолом. Остальная команда, игнорируя все приказы, без дела шатается по палубам или спускает на воду спасательные шлюпки» [1, с. 66]. Россию, в том числе ее нефтедобывающие районы, захлестывает преступность. В качестве средства спасения возникает идея создания вертикально-интегрированных компаний, и она реализуется А. Чубайсом [1, с. 88–94]. Но «реальная ситуация с распределением полномочий оказалась весьма далека от написанного на бумаге. Нефтяные генералы не

имели реальной власти над нефтеперерабатывающими заводами, распределительными системами и экспортными каналами, теоретически входившими в их империю» [1].

«Не разобравшись в конфликтах и безвластии 1990-х, невозможно понять тернистый путь России от коммунизма к рыночной экономике. С 1993 по 1998 год Россию швыряло из кризиса в кризис. Это был период физической деградации Ельцина, годы постепенного исчезновения демократов и радикалов-рыночников, времена унижения для патриотов России» [1, с. 96]. Только этими особенностями формирования российского капитализма я объясняю отношение Густафсона к залоговым аукционам. «С помощью ряда мошеннических аукционов группа самых богатых и влиятельных финансовых воротил-нуворишей получила от государства контрольные пакеты нескольких крупнейших нефтяных компаний. В результате этих залоговых псевдоаукционов огромная доля российской добычи нефти и других полезных ископаемых перешла в руки новых финансовых империй. История с залоговыми аукционами дискредитировала программу приватизации и похоронила репутацию последних оставшихся реформистов, особенно Анатолия Чубайса» [1, с. 117–118]. И после этого беспощадного осуждения следует оправдание этой, им же названной «мошеннической» операции коммерческой беспомощностью «нефтяных генералов» [1, с. 118–119]. Иными словами, речь шла о дорогой плате за расставание с советским прошлым, которое, по мнению Густафсона, невозможно и нежелательно было сохранить.

Но, пожалуй, выше всего в деятельности руководства России 90-х гг. Густафсон оценивал его благожелательное отношение к иностранцам и иностранному капиталу. Густафсон считал (и я с ним согласен), что влияние иностранцев и иностранного капитала на экономику России, и нефтяную промышленность в частности, было в высшей степени положительным, учитывая огромное отставание отрасли в технике и технологии, методах управления, квалификации персонала.

Именно как восстановление, наконец, в России столь необходимой ей сильной власти расценивает Густафсон приход к власти В. Путина и первые шаги его президентства. В книге проводится довольно подробный (и благожелательный) анализ деятельности Путина в Петербурге и в Москве до избрания его Президентом РФ. С одобрением Густафсон отмечает тот факт, что «не прошло и двух недель после инаугурации, как Путин начал строить ту властную структуру, которой предстояло воскресить господство центральной власти, а его самого сделать бесспорным лидером России. ...Основой консенсуса, той точкой, в которой сходились позиции либералов и государственников, была убежденность в том, что власть непременно должна вернуть себе утраченный контроль над нефтяными

и газовыми доходами – основным источником богатства в стране. Все хотели обратить вспять ослабление государственной власти» [1, с. 250, 251]. В этот период Путин, по мнению Густафсона, одновременно и правый, и левый.

Именно поэтому «Путин имел уникальную возможность получить лояльность и поддержку и либералов, и консерваторов. Именно эта двойственность поднимала рейтинг Путина: обе стороны видели в нем своего» [1, с. 252].

Густафсон положительно оценивает многие экономические действия путинской власти, в особенности действия министра финансов РФ Кудрина. Так, он полностью одобряет действия Кудрина по усилению налогообложения нефтяных компаний в 2000–2001 гг., несмотря на их протесты [1, с. 282]. Я совсем не уверен в правоте Кудрина в тот период: имелись огромные возможности обложения незаслуженно полученных доходов. Но это требовало больших усилий и умения, задевало интересы многих людей из власти. Недостатки сложившейся тогда системы налогообложения нефтяных компаний признает и сам Густафсон, показывая их непосильность для многих нефтяных проектов нефтедобычи даже в 2008 г., когда цена на нефть была \$ 65 за баррель [1, с. 386]. Более обоснованной выглядит положительная оценка деятельности Кудрина по составлению Налогового кодекса и формированию резервных фондов. Но его достоинства в качестве главы Минфина РФ Густафсон, на мой взгляд, сильно преувеличивает. Добиться бездефицитного бюджета и создать «зачаточку» в период фантастически высоких мировых цен на нефть не столь уж большое достижение для министра финансов. То, что он противился ухудшению отношений с Западом – показатель не квалификации, а необычного для российских чиновников гражданского мужества.

У Кудрина явный недостаток макроэкономического мышления. Ни в одном из его письменных и устных выступлений я не обнаружил, что он понимает чудовищный размер искажений макроэкономической статистики в РФ. А без этого как определять экономическую и финансовую политику, налоговую политику в отношении той же нефтяной промышленности? В самом деле, если российские нефтяные компании реально убыточны и находятся на грани банкротства, то не остается ничего другого, кроме сокращения налогообложения предприятий отрасли (заменяв их налогом на личные доходы состоятельных слоев населения). Слепота Кудрина в отношении чудовищной социальной дифференциации в России означает, что он не способен связать эту дифференциацию с источниками экономического роста в России.

Консенсус между силовиками и либералами серьезно пошатнулся в результате дела ЮКОСа. Здесь силовики во главе с Путиным показали, что

они свои личное самолюбие и корысть в отношении чужой собственности ставят выше интересов будущего российской экономики. Это дело явилось поворотным пунктом в экономической политике и общественной жизни России. Растоптаны были не только права собственности, но и правосудие, понятие о независимости судебной власти. Застой в экономике становился лишь вопросом времени.

Будущее нефтяной промышленности России

Последние две главы книги посвящены будущему нефтяной промышленности России, которая во многом определяет и будущее всей российской экономики. Начинает Густафсон с перспектив изменения цен на нефть, так как эти цены определяют доходность отрасли, ресурсы бюджета и доходы населения России. После тщательного анализа факторов, влияющих на мировую цену на нефть, он приходит к выводу, что наиболее вероятным является ее снижение (в реальном выражении) [1, с. 487–490]. «В мире низких цен на нефть Россия с ее традиционной энергетикой и убывающим советским наследием окажется между Сциллой растущих затрат на добычу и Харибдой снижающихся цен нефтегазового экспорта» [1, с. 492]. В связи с этой печальной для России перспективой Густафсон анализирует три предложенных пути выхода из нее.

Сначала он рассматривает программу высокотехнологичной модернизации вместо опоры на доходы нефтяной и газовой промышленности (ее выдвинул Д. Медведев в бытность его президентом РФ; в 2018 г. ее подхватил В. Путин). Густафсон относится к этой программе в высшей степени скептически и даже не считает нужным серьезно ее обсуждать. «Для многих россиян медведевская программа с ее амбициозностью и размахом подозрительно напоминает советские “пятилетки”: такая же спущенная сверху политически обусловленная модернизация, то же стремление одним скачком преодолеть долгие годы отставания» [1, с. 493]. Его предпочтения решительно на стороне концепции Алексея Кудрина: «вернуться к рыночным основам». Ей он посвящает наибольшую часть своего анализа. Программу Кудрина Густафсон сводит к трем пунктам: «низкая инфляция, стабильная валюта и надежная защита прав собственности» [1, с. 497]. Эта программа даже в классической капиталистической экономике далеко не всегда оказывалась успешной. Тем более нет уверенности в ее успехе в современной России. Собственность здесь чаще всего захватывалась наиболее близкими к власти, а не способными и предприимчивыми. А если по случайности это удавалось последним (например, Ходорковскому), то от них быстро избавлялись. И какая же неприкосновенность частной собственности при нынешнем авторитарном клановом режиме?

Программу Путина Густафсон определяет следующим образом: «верить государству и следовать прежним курсом». В ней он видит только одно достоинство – высокую оценку генерирующей доходы нефтяной промышленности, а не опору на химеры высокотехнологичной модернизации. Во всех трех подходах (я бы сказал, двух – Медведева и Кудрина) Густафсон видит «веру в то, что Россия способна достойно конкурировать на высокотехнологичном рынке товаров и услуг. Это, мягко говоря, не вполне реальный взгляд. России с ее истощенными людскими и инфраструктурными ресурсами придется напрячь все силы, чтобы не отстать от развивающихся стран Азии, что уж говорить о мощной инновационной экономике США» [1, с. 499]. Остается все та же нефтяная промышленность. Но и с ней всё очень непросто.

Перспективы нефтяной промышленности РФ Густафсон определяет по трем составляющим, которые он называет коричневыми, зелеными и голубыми районами месторождений. Каждое последующее безотраднее предыдущего. Коричневые – старые районы нефтедобычи. Здесь из-за истощения недр происходит непрерывное удорожание добычи. «Нефть – истощаемый актив, и закон убывания доходности в конечном счете не обманешь, но всё же научно-технологические достижения позволяют отсрочить неизбежное. Но Россия в этой революции не участвует. Она по большей части делает то же, что и раньше, прежними в основном методами добывает в своих прежних бассейнах такую же, как прежде, нефть. Но долго это продолжаться не может» [1, с. 466]. Для освоения этих «коричневых» «нужны небольшие специализированные компании, навыки и культура которых нацелена на то, чтобы извлечь из иссякающего пласта всю нефть до последней капли. Но в российской промышленной экосистеме мелкие компании практически вымерли до конца. Чтобы увеличить нефтеотдачу зрелых месторождений, нужны глобальные изменения в государственной политике, и что еще важнее – в закоснелых подходах. На данный момент заметных подвижек в этой сфере нет» [1, с. 470].

Анализируя перспективы зеленых и голубых районов, Густафсон показывает, с какими огромными трудностями придется столкнуться при освоении нефтяных месторождений Восточной Сибири [1, с. 471–474]. Возникает вопрос, окупится ли освоение этих месторождений при нынешнем налоговом режиме. Рассматривая нефтедобычу на арктическом шельфе, Густафсон утверждает, что у российских компаний для такого освоения «нет ни опыта, ни организационных структур, ни стратегии научно-технической поддержки» [1, с. 476].

Общий вывод, который Густафсон делает из рассмотрения перспектив российской нефтяной промышленности, состоит в следующем: «Столкнувшись с трудностями, которые мировая отрасль преодолевала поколе-

ние назад, российские нефтяники теперь должны двигаться в том же направлении – к высоким технологиям, нетрадиционным источникам, интернационализации, более эффективному управлению. Необходимо переосмыслить структуры и методы работы, оставшиеся от прошлого» [1, с. 479]. Вряд ли это вообще возможно осуществить в сложившейся косной среде государственного и хозяйственного управления.

В качестве серьезного недостатка рассмотрения Густафсоном проблем нефтяной промышленности РФ можно назвать отсутствие анализа ее финансового состояния на основе объективной информации. Отсюда и невозможность объективно оценить финансовые источники ее экономического развития. Другой недостаток, связанный с предыдущим: расчеты фактической и прогнозной рентабельности отдельных ее сегментов нельзя производить без учета уровня налогообложения отрасли. Эта тема была предметом расчетов Е.Н. Жаворонковой, сравнивавшей налоговое бремя крупнейших российских и западных компаний [3, с. 29]. Из ее расчетов следовало, что по отношению к выручке налогообложение российских нефтяных компаний в 2014 г. было многократно больше. Однако Жаворонкова относила налогообложение к выручке, не учитывая в ней, согласно методике Росстата (и вопреки международной практике), налоги, кроме налога на прибыль. Мой расчет по Роснефти за 2016 г. показал, что налогообложение оказалось значительно меньше, чем в расчете Жаворонковой (30,3 % вместо 56 %) [16], хотя и очень значительным, и это нельзя не учитывать при оценке эффективности работы нефтяной промышленности.

Заключение

Книга Густафсона не только и не столько о нефтяной промышленности СССР и России. Она о России в целом. Россия для Густафсона не только основной предмет научных исследований. То, что он пишет о впечатлении иностранных нефтяников, кажется, относится и к нему: «Россия – это как любовь, как малярия проникает в твою кровь и проникает в нее навсегда» [1, с. 199].

Но эта любовь не лишает его разума. Он видит и сильные, и слабые стороны современной России. Она оказалась способной на обновление в 90-е гг., пусть и не совсем удачное, выдвинув сильных лидеров нефтяной промышленности и позаимствовав многие западные технологии и методы управления. Но не удержалась на этом пути. Старые традиции («русский медведь»), не впервые в нашей истории, оказались сильнее. Это представляется Густафсону трагической ошибкой, тупиком. Но колесо фортуны не перестает двигаться. Кто знает, как оно еще повернется.

Если говорить о профессиональной стороне книги, относящейся к собственно нефтяной промышленности, то я оцениваю ее очень высоко.

ко. Из всех прочитанных мною западных книг об экономике современной России она мне представляется самой содержательной. Густафсон сочетает в себе редкое среди экономистов знание реалий из первых рук, на основе громадных личных впечатлений и встреч, с потрясающей способностью изучения огромного количества разнообразной информации из российских и западных источников, порой очень редких. Он создал очень правдивую историю драматических событий в нефтяной промышленности России на фоне истории страны в этот период. К тому же книга написана прекрасным языком, столь редким среди экономистов. Но даже на солнце бывают пятна. Автору не хватает навыков владения российской статистикой, столь отличной на практике от западной. Впрочем, я не знаю экономистов, одинаково сильных во всех аспектах экономического анализа. Тем не менее общие выводы автора о состоянии отрасли хорошо согласуются с реальной финансовой статистикой.

Литература

1. *Густафсон Т.* Колесо Фортуны. Битва за нефть и власть в России. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 600 с.
2. *Ергин Д., Густафсон Т.* Россия: двадцать лет спустя. Четыре сценария. – М.: Международные отношения, 1995. – 228 с.
3. *Жаворонкова Е.Н.* Анализ налоговой нагрузки в нефтяной отрасли в разрезе крупнейших российских и иностранных компаний // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 50. – С. 23–46.
4. *Меньшиков С.М.* Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004. – 428 с.
5. *Мухин А.* Олигархи: последняя переключка. – М.: Алгоритм, 2006. – 317 с.
6. Российский статистический ежегодник, 2005: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2006. – 819 с.
7. Российский статистический ежегодник, 2008: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2008. – 847 с.
8. Российский статистический ежегодник, 2012: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2012. – 786 с.
9. Российский статистический ежегодник, 2015: статистический сборник. – М.: Росстат, 2015. – 728 с.
10. Российский статистический ежегодник, 2016: статистический сборник. – М.: Росстат, 2016. – 347 с.
11. Промышленность СССР: статистический сборник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1988. – 286 с.
12. Российский статистический ежегодник, 2017: статистический сборник. – М.: Росстат, 2017. – 686 с.
13. *Проханов А.* Испачкаться не кровью, а нефтью // Завтра: web-сайт. – 2003. – 16 сентября.

14. *Фомин Д.А., Ханин Г.И.* Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 21–33.
15. *Ханин Г.И.* Магнаты современной российской экономики во второй половине 90-х и в 2000 годы // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 18–39.
16. *Ханин Г.И.* Цугцванг в российской экономике и обществе (о книге Владимира Шмата «Нефтегазовый цугцванг») // Journal of Economic Regulation. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 61–73.
17. *Ханин Г.И.* Российские промышленные компании и кредиторы в плену лукавых цифр (на примере компании Роснефть): факты и гипотезы // Journal of Economic Regulation. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 16–27.
18. *Ханин Г.И.* Институциональные условия развития российской экономики в 1999–2016 годы // Journal of Institutional Studies. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 59–79.
19. *Ханин Г.И., Фомин Д.А.* Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 2. – С. 62–81.
20. *Холлингсуорт М., Англи С.* Лондонград. Из России с наличными. История олигархов из первых рук. – М.: АСТ, 2009. – 416 с.
21. *Чертопруд С.В.* Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 117 с.
22. Энергетический центр Сколково. Российские независимые нефтяные компании. Есть ли будущее? // Нефтегазовая вертикаль. – 2014. – 11 марта. – URL: http://www.ngv.ru/analytics/rossiyskie_nezavisimye_neftyanye_kompanii_est_li_budushchee/ (дата обращения: 13.05.2020).

Статья поступила в редакцию 03.06.2019.

Статья прошла рецензирование 28.06.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-231-259

RUSSIAN ECONOMY AND THE STATE IN THE EYES OF A FOREIGN ECONOMIST

Part 2

Khanin Grigory,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Professor of the Siberian Institute of Management –

the branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

6 Nizhgorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Author ID (RSCI): 143335

SPIN (RSCI): 6196-5996

Khaning@yandex.ru

Abstract

The article analyses the book written by the English economist Thane Gustafson “Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia”. The author of the book is known for his deep works on the oil industry of the USSR and the state of economy of post-Soviet Russia. In a peer-reviewed book, Gustafson analyzes Soviet and post-Soviet Russian society through the prism of the Russian oil industry. The author of the article supplements Gustafson’s analysis with his own assessments of the state of the oil industry of the USSR and the Russian Federation, taking into account the replacement cost of fixed assets. Gustafson, paying tribute to the achievements of the Soviet oil industry, shows the inevitability of its crisis in the 80s due to defects in the command economy. Thane Gustafson analyzes the crisis of the oil industry of the late 80s and early 90s as a consequence of the weakness of state power, the capacity of which in Russia he assesses as the most important factor in its economic development. He considers the privatization of the oil industry, with all its shortcomings, as a condition for the beginning of the revival of the oil industry. Another factor, he believes, is the attraction of foreign capital, technology and Western management practices. The strengthening of state power with the advent of Putin and the successful operation of private oil companies, along with rising world oil prices, ensured a rapid increase in oil production in the Russian Federation, which allowed Gustafson to assess the period 2001-2004 as an oil miracle. He associates the subsequent slowdown in oil production with the depletion of old oil fields with poor development of new ones. At the same time, Gustafson attaches considerable importance to this slowdown in the nationalization of the oil industry and the growing hostility in Russia towards foreign capital in general and the West in particular. The author supplements this analysis with calculations showing the limited financial resources of oil companies and their poor use. Gustafson predicts a crisis in the Russian oil industry and recommends liberalization of the industry and increased integration of the Russian oil industry into the global economy.

Keywords: USSR oil industry, Russian oil industry, privatization of the Russian oil industry, Yukos, Rosneft.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. Russian Economy and the State in the Eyes of a Foreign Economist. Pt. 2. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 2, pp. 231–259. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-231-259.

References

1. Gustafson T. *Wheel of Fortune. The Battle for Oil and Power in Russia*. Cambridge, London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2012 (Russ. ed.: Gustafson T. *Koleso Fortuny. Bitva za nefť i vlast' v Rossii*. Moscow, Al'pina Publisher, 2017. 600 p.).
2. Ergin D., Gustafson T. *Rossiya: dvadtsat' let spustya. Chetyre stsenariya* [Russia: Twenty Years Later. Four Scenarios]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995. 228 p. (In Russian).
3. Zhavoronkova E.N. Analiz nalogovoi nagruzki v neftyanoi otrasli v razreze krupneishikh rossiiskikh i inostrannykh kompanii [Analysis of Taxation in the Oil Industry in the Context of Major Russian and Foreign Oil Companies]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = E-journal. Public Administration*, 2015, no. 50, pp. 23–46.
4. Men'shikov S.M. *Anatomiya rossiiskogo kapitalizma* [Anatomy of Russian Capitalism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 428 p.
5. Mukhin A. *Oligarkhi: poslednyaya pereklichka* [Oligarchs: the Last Roll Call]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 317 p.
6. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2005 [Russian Statistical Yearbook. 2005]. Moscow, Goskomstat Rossii Publ., 2005. 819 p.
7. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2008 [Russian Statistical Yearbook. 2008]. Moscow, Goskomstat Rossii Publ., 2008. 847 p.
8. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2012 [Russian Statistical Yearbook. 2012]. Moscow, Goskomstat Rossii Publ., 2012. 786 p.
9. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2015 [Russian Statistical Yearbook. 2015]. Moscow, Rosstat Publ., 2015. 728 p.
10. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2016 [Russian Statistical Yearbook. 2016]. Moscow, Rosstat Publ., 2016. 347 p.
11. Promyshlennost' SSSR [Industry of the USSR]. Statistical Collection. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1988. 286 p.
12. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik, 2017 [Russian Statistical Yearbook. 2017]. Moscow, Rosstat Publ., 2017. 686 p.
13. Prokhanov A. Ispachkat'sya ne krov'yu, a nefťyu [Get Dirty Not with Blood, but with Oil]. *Zavtra*, 2003, September 16. (In Russian).
14. Fomin D.A., Khanin G.I. Dinamika osnovnogo kapitala ekonomiki RF v post-sovetskii period (1992–2015 gg.) [The Dynamics of Fixed Capital of the Russian Economy in the Post-Soviet Period (1992–2015)]. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2017, no. 4, pp. 21–33. (In Russian).
15. Khanin G.I. Magnaty sovremennoi rossiiskoi ekonomiki vo vtoroi polovine 90-kh i v 2000 gody [Tycoons of the Modern Russian Economy in the Second half of the 90s and 2000]. *Terra Economicus*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 18–39. (In Russian).

16. Khanin G.I. Tsugtsvang v rossiyskoy ekonomike i obshchestve (o knige Vladimira Shmata “Neftegazovyy tsugtsvang” [Zugzwang in the Russian Economy and Society (On the Book by V. Shmat “Oil-and-Gas Zugzwang”)]. *Journal of Economic Regulation*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 61–73. (In Russian).

17. Khanin G.I. Rossiiskie promyshlennye kompanii i kreditory v plenu lukavykh tsifr (na primere kompanii Rosneft): fakty i gipotezy [Russian industrial companies and creditors: in the prison of sly figures (on the example of Rosneft)]. *Journal of Economic Regulation*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 16–27. (In Russian).

18. Khanin G.I. Institutsional’nye usloviya razvitiya rossiiskoi ekonomiki v 1999–2016 gody [Institutional Conditions for the Development of the Russian Economy in 1999–2016]. *Journal of Institutional Studies*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 59–79. (In Russian).

19. Khanin G.I., Fomin D.A. Postsovetskoe obshchestvo i rossiiskaya makroekonomicheskaya statistika [Post-Soviet Society and Russian Macroeconomic Statistics]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2017, vol. 26, no. 2, pp. 62–81.

20. Kholingsuort M., Lensli S. *Londongrad. Iz Rossii s nalichnymi. Istoriya oligarkhov iz pervykh ruk* [From Russia with Cash. The History of the Oligarchs First Hand]. Moscow, AST Publ., 2009. 416 p.

21. Chertoprud S.V. *Nauchno-tekhnicheskaya razvedka ot Lenina do Gorbacheva* [Scientific and Technical Intelligence From Lenin to Gorbachev]. Moscow, Olma-Press, 2002. 117 p.

22. Energeticheskii tsentr Skolkovo. Rossiiskie nezavisimye neftyanye kompanii. Est’ li budushchee? [Energy Center Skolkovo. Russian Independent Oil Companies. Is there a Future?]. *Neftegazovaya vertikal’*, 2014, March 11. (In Russian). Available at: http://www.ngv.ru/analytics/rossiiskie_nezavisimye_nefityanye_kompanii_est_li_budushchee/ (accessed 13.05.2020).

The article was received on 03.06.2019.

The article was reviewed on 28.06.2019.